

Отсюда, как нам кажется, следует вывод и о необходимости пристального изучения имеющегося наследия—старой обрядности, подготовки работ и исследований по народной обрядности восточных славян и других народов нашей Родины. Пока же нет даже простых сводок материалов по этой проблеме, не говоря уже об исследованиях, выполненных на современном уровне. И здесь, несомненно, должны сказать свое слово этнографы. Всестороннее знание старых обрядов, «исходного» материала, безусловно, будет способствовать успеху той работы, за которую ратует автор.

К недостаткам рецензируемой книги относится отсутствие дифференцированного подхода к изучаемым явлениям. Не всегда выделена социальная среда, в которой бытует описываемый обряд (город, деревня, рабочие, крестьяне), что весьма важно для его изучения. Отсутствует и крайне необходимый здесь социологический аспект исследования новой обрядности. Это не дает возможности автору даже поставить вопрос о том, какая категория населения (по полу, возрасту, социальной и профессиональной принадлежности) и в какой степени принимает участие в новой обрядности, какие из обрядов уже вошли в быт, а какие из них еще не вышли из разряда «опытных», отмечающихся локально, спорадически, в единичных случаях. Встречаются и некоторые опечатки (например, на стр. 156, журнал «Этнографическое обозрение» назван «Этнографический обзор»). Имеются в книге и отдельные неточности (так, примечания озаглавлены «Ссылки на источники», хотя имеются в виду не источники, а литература).

Следует отметить, что небольшой объем работы порой обусловил чрезмерную краткость изложения отдельных вопросов. Поэтому особенно досадно, что автор допускает повторы (см., например, стр. 117 и стр. 188, где в одних и тех же выражениях говорится о том, что социалистическая обрядность является средством коммунистического воспитания трудящихся).

Не украшают книгу и отдельные небрежные выражения. Так, на стр. 113 говорится, что обряды сегодня помогают человеку «уярчать» жизнь. Хотя слово «уярчать» и взято в кавычки, от этого оно не становится благозвучнее. Если дочитать абзац до конца, то станет ясным, что оно и не совсем уместно, ибо в перечень обрядности, «уярчающей» жизнь, попадает и «поминовение близких». Деревья почему-то «садят» (стр. 119), хотя справедливости ради надо сказать, что в книге употребляется и правильная форма этого глагола — «сажают» (стр. 118) и т. д.

В целом книга В. И. Брудного будет интересна специалистам, так как в известной последовательности и под определенным углом зрения обобщает опыт бытования новой обрядности. Помимо указанного обобщения, в книге содержатся критические замечания и рекомендации, которые окажутся полезными для практических работников.

Л. М. Сабурова

В. В. Востров, М. С. Муканов. *Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX—XX в.)*. Алма-Ата, 1968, 255 стр.

Этническая история включает в себя исследование комплекса сложных исторических проблем, среди которых вопрос о родо-племенном составе и расселении различных народов представляет значительный научный интерес. Для решения этих сложных проблем необходимо привлечение данных этнографии, археологии, лингвистики, топонимики, исторической географии, источниковедения.

Родо-племенной состав и расселение казахов — наиболее слабо изученные разделы истории казахского народа. Это, конечно, не означает, что проблема вообще выпала из поля зрения исследователей, труды которых вышли в последние годы. Однако эта тема рассматривается попутно, в связи с решением других важных проблем истории¹. Этот пробел восполнен рецензируемой монографией В. В. Вострова и М. С. Муканова.

Разработкой данной проблемы авторы занимались много лет. Ими проделана работа по изучению и обобщению архивных и малоизвестных опубликованных источников. Авторы использовали различные рукописные материалы и очень ценные полевые исследования экспедиций отдела этнографии ИИАЭ АН КазССР за время с 1955 по

¹ М. Вяткин, *Очерки по истории Казахской ССР*, Алма-Ата, 1941; Н. Г. Аполлова, *Присоединение Казахстана к России*, Алма-Ата, 1948; Х. М. Адильгиреев, *К истории образования казахского народа*, «Вестник АН КазССР», 1951, № 1; Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков*. М.—Л., 1950; С. А. Аманжолов, *Вопросы диалектологии и истории казахского языка*, Алма-Ата, 1959 и др.

1965 г. Среди них — различные варианты родословных шежере, записанные со слов казахских аскакалов и отражающих историю отдельных племен и родов. Собран значительный материал, позволяющий привести в систему многочисленные ураны (боевой клич) и тамги (родовой знак).

В монографии данные различных источников взаимно проверяются и скрупулезно анализируются. Так, генеалогические предания используются только в том случае, если они подтверждаются материалами исторических хроник, восточными источниками, сибирскими летописями и исследованиями востоковедов. По своему содержанию книга является насыщенной и многоплановой. Круг вопросов, который решается в ней, гораздо шире темы монографии.

Расселение казахских племен и родов на территории Казахстана в XIX — начале XX в. рассматривается в соответствии с административным делением Казахстана, проведенным на основании реформы 1891 г. Материалы располагаются по административно-территориальному признаку — областям и уездам. Исследованию расселения казахов по областям в книге предшествует историческая справка о количестве населения соответствующих районов на основании «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.». Историческая справка знакомит также с перечнем крупных населенных пунктов и военных укреплений (с указанием динамики дислокации важнейших административных центров), с географией границ уездов; в ней имеется краткое указание на основные занятия населения по уездам. В ней приводится подробное перечисление родов того или иного жуза, входящих в данный уезд, отмечается место расположения зимовок, весенних, летних и осенних пастбищ; прослеживается подробный маршрут кочевания различных родовых объединений. Для каждого уезда составлена специальная схема, где условными обозначениями отмечаются районы кочевания различных родов по временам года. Здесь в дискуссионном порядке ставится вопрос о термине «жуз». Авторы дают историографию этой сложной проблемы и отмечают, что до сообщения Тевкелева в 1731 г. упоминаний о разделении казахов на жузы в литературе не содержалось. Касаюсь полемики, которая шла и идет по данной проблеме, авторы вслед за В. В. Бартольдом акцентируют внимание на географо-экономическом факторе, политико-экономических моментах, общности языка и культуры в процессе образования племенных союзов — жузов и придают главное значение данным лингвистики. В результате в книге лингвистические материалы довлеют над политико-экономическими, хотя в опубликованных трудах имеются интересные разработки по данной проблеме².

Вывод авторов о том, что «жуз» не является «сотней», а частью, ветвью «единого народа, связанного многими элементами политической, экономической, языковой и культурной общности» (стр. 15), является убедительным.

Заслуживает также внимания объяснение числа жузов существованием трех основных естественно-географических центров Казахстана, которым соответствовали и древние этнические образования из определенных групп родственных племен: 1) Семиречье, где вокруг племени усунь происходило объединение группы других племен (дулат, канглы, жалаир, алап и др.) — Старший жуз; 2) район Сырдарьи, северного, восточного и центрального Казахстана, где в VIII—XI вв. сложился кипчакский союз племен, куда вошли такие племена, как кипчаки, аргыны, найманы, керей, уаки, конраты, т. е. племена Среднего жуза; 3) западные казахские земли, где формировался алшнский союз племен, легший в основу Младшего жуза.

Вопрос об этом этническом триумвирате В. В. Востров и М. С. Муканов связывают с процессом консолидации прежних разрозненных родов и племен, выступающих теперь уже как единое этнополитическое целое, и с истоками древней военной организации тюрков, которая хорошо исследована в трудах Ю. А. Зуева³. Выводы авторов о том, что «триальная система с наличием трех групп близких в этническом, языковом и хозяйственном отношении племен могла быть основой, на которой возникли три казахских жуза» (стр. 16), представляются достаточно обоснованными. Время возникновения казахских жузов рассматривается в связи с причинами их сложения и хронологически относится авторами ко второй половине XV в., а завершение процесса их формирования — к концу XV в.

В книге исследуется история образования Старшего жуза и воссоздается более подробный, по сравнению с созданными ранее П. И. Рычковым, Ч. Ч. Балихановым, В. В. Радловым, Н. Аристовым, Н. Абрамовым и другими учеными, перечень родословной его племен.

При всей ценности и значительном вкладе, которую рецензируемая монография вносит в советскую историографию, бросается в глаза недостаточное использование богатейших источников XVIII—XIX вв., имеющихся в архивах Москвы, Ленинграда, Омска, Оренбурга. Следует отметить также чрезмерное внимание, которое уделяется авторами вариантам родословных, записанных ими (и частично С. А. Аманжоловым) в различных местах Семиречья во время полевых работ. Но так как авторы сумели отобрать из легендарных и полуполулегендарных сведений наиболее достоверные, им, несмотря на ограниченную источниковедческую базу, удалось воссоздать наиболее

² Н. Г. Аполлова, Указ. раб.

³ Ю. А. Зуев, Происхождение тюрков по материалам древнетюркских легенд, Канд. дисс., Алма-Ата, 1967, стр. 159—177.

полную и точную картину племенного состава Старшего жуза (куда входили племена дулат, албан, суан, сэры-уйсун, сргели, нсты, ошакты, чапрашты, чанышклы или катаган, кангла, жалаир) и его эволюцию к концу XIX — началу XX в. В целом описание родо-племенного состава Старшего жуза очень ценное и при всей спорности привлекаемых источников очень важно. Так как большинство племен и родов Старшего жуза существовало задолго до его образования и каждый имел многовековую историю, вопрос об их географическом расселении авторами опущен. Это же можно сказать и в отношении племен Младшего жуза. В то же время для Среднего жуза границы расселения племен и родов, входящих в него, указываются вполне определенно, но нигде не сказано, к какому хронологическому периоду следует их отнести и на данных каких источников основываются авторы. Ссылки на Сибирские летописи XV—XVI вв. и на материалы рекогносцировочных съемок, сделанных в XIX в. офицерами Генерального штаба, хронологически несопоставимы, а границы расселения до присоединения Казахстана к России и позже резко отличаются. Авторы ссылаются на картографический материал, схемы и сведения других ученых, указывая при этом, что эти источники требуют к себе осторожного, критического отношения, серьезного анализа и его проверки. В то же время из поля зрения авторов выпали важнейшие политико-административные изменения, происшедшие в Казахстане в XIX в. на основании законодательных актов 1822, 1824, 1838, 1844, 1868 и 1891 гг., которые внесли кардинальные изменения в политическую организацию казахского общества. А ведь меняющаяся сетка административного деления имела прямую связь с расселением казахских племен. Введение внутренней и внешней дистанчной системы в Младшем жузе так же, как и областной и волостной системы в Среднем жузе, нарушили исконные маршруты кочевников из-за регламентации региона кочевков внутри только что определенной административной единицы. Кстати, этот процесс усиливался в связи с колонизацией Казахстана и переселенческой политикой царского правительства. Именно это вызвало изменения в районах кочевания.

В книге очень тщательно, в основном на полевых материалах прослеживается генеалогическая структура. Составлен ряд интересных схем и таблиц. К ним можно отнести таблицу родословной структуры адаев (стр. 88), родословной племен Старшего жуза (стр. 26—27) и наиболее крупных родовых объединений (стр. 45, 47, 61, 67, 72, 75, 77 и др.).

К достоинствам монографии следует отнести разработку тамговых знаков по всем трем жузам.

В ряде случаев достаточно подробно прослеживается иммиграция племен в период, предшествовавший присоединению Казахстана к России. В этом отношении заслуживает внимания разработка маршрута миграции племени керей из Среднего жуза в Старший, а затем окончательное закрепление этого племени на территории Младшего жуза. В то же время это не сделано для таких племен Младшего жуза, как чумекей, байбакты, маскар. Ссылаясь на то, что Букеевская орда есть часть отделившихся племен Младшего жуза, авторы правомерно отмечают появление в числе родов Букеевской орды новых родовых подразделений. Но надо помнить, что маршруты кочевания казахов Букеевской орды не были постоянными в продолжение всего XIX в. К сожалению, авторы не использовали имеющийся архивный материал по этому вопросу (ЦГА КазССР, ф. 4).

Дореволюционные ученые исследовали только основные подразделения казахов: жуз, племя, род, подрод (отделение). Между тем у казахов существовала очень сложная градация подразделений на различные группы. Желательно было бы, чтобы в дальнейшей своей работе авторы продолжили изучение не только главных (жуз, племя, род), но и более мелких родовых подразделений.

В заключение отметим, что монография В. В. Вострова и М. С. Муканова, впервые обобщившая и научно объяснившая многочисленные материалы по истории происхождения казахских племен и родов и их расселения, является шагом вперед на пути изучения проблем этногенеза казахского народа, сложения единого казахского языка, национальной культуры, а также связи казахов с русским народом и соседними тюркскими народами.

В. Я. Басин, Н. Е. Бекмаханова

Б. Тилавов. *Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок*. Душанбе, 1967, 122 стр.

Работа Б. Тилавова «Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок» представляет собой заметное явление в развитии таджикской фольклористики.

Пословицы и поговорки издавна занимали особое место среди жанров как таджикского, так и персидского фольклора. Общее пренебрежение, с которым знатоки и ценители старой персидско-таджикской литературы на протяжении веков относились к народным произведениям, не коснулось пословичного творчества народа. В течение столетий народные пословицы находились в теснейшем взаимодействии с письменной литературой, прежде всего поэзией, образуя подвижные взаимообогащающие связи с изре-